

«ПРОРОК» ПУШКИНА И ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

Как и другие стихи Пушкина о поэте, «Пророк» живет вечно обновляющейся жизнью в истории русской поэзии. Мы иногда замечаем, что лирика Пушкина играет роль своеобразного катализатора новых поэтических решений: не прямо, а как бы за сценой пушкинские мотивы воздействуют на ход поэтической мысли, служат художественно значимым фоном. Это в особенности характерно для так называемых вечных тем.

Уже при жизни Пушкина в лирике его современников (Кюхельбекер, Баратынский) тема поэта соизмеряется с «Пророком». Поэтический отклик на пушкинского «Пророка» еще более отчетливо выражен у Лермонтова. Общезначимость пушкинского поэтического решения, его применимость к любой эпохе были, очевидно, главной причиной этого интересно, но мало изученного процесса в русской поэзии.

Бесспорен социальный, гражданский смысл «Пророка». Дело не в том, что в легендарной концовке был прямой отклик на расправу с декабристами. Важнее, что впервые в лирике Пушкина был создан объективный и идеальный образ поэта-проповедника, поэта, очень близкого декабристскому идеалу (романтическое представление о поэте-пророке, характерная библейская форма). В этом лирическом образе, монолитном и чеканном, выразилось и личное пушкинское сознание, момент его творческой жизни. Но больше в «Пророке» Пушкина выражена идеальная возможность для поэта, возможность, которую он постигает, благодаря протеизму, дару перевоплощения. Достаточно рассмотреть лирический сюжет «Пророка», чтобы в этом убедиться.

Высокий лиризм «Пророка» создается исключительной сдержанностью, суровостью, лаконичностью речи: события даже не описываются, а просто перечисляются. Активна лишь божественная сила, а пророк подчиняется ей безгласно и внешне эмоционально, как бы во сне. Божественной властью все для пророка заранее решено, необходимо лишь подчинение высшей воле. Пророк получает дар провидения и свободу, свободу от лжи, празднословия, — от всех человеческих слабостей. Это суровая, аскетическая свобода, жертвенная: она предполагает

служение одной цели, «святую односторонность»¹. Такой образ поэта-пророка у Пушкина как идеальная цель творческого восхождения художника применим к любому большому поэту, это образ обобщенный.

Самому же Пушкину целеустремленное аскетическое сознание не было свойственно. Завершенный, идеальный образ пророка при соизмерении с живым, диалектически меняющимся обликом поэта в лирике Пушкина оказывается не равен ему и не сливается с ним. Они не тождественны, потому что каждый по-своему значителен и в своем значении каждый из них превосходит друг друга. Схематически их взаимосвязь могла бы выразиться как отношение взаимно пересекающихся понятий, совпадающих друг с другом лишь отчасти.

Роль поэта-пророка была в творчестве Пушкина частным проявлением его творческого дара, одной, значительной, но не единственной стороной в его многостороннем и универсальном художественном мире. Гете так определял различие между поэтом и пророком: «... оба проникнуты и воодушевлены богом, но поэт использует предоставленное ему дарование в радости, чтобы порождать радость <...> ищет он многообразия, возможности показать себя неограниченно в образе мыслей и изображениях. Пророк, наоборот, стремится только к единственной определенной цели; требуя последней, обходится он простейшими средствами <...>. К тому же он только требует, чтобы мир верил; он должен стать, следовательно, и оставаться одномысленным, ибо разнообразию не верят, его познают» («Западно-восточный диван») ².

Пушкинская художественная система, поэтическая в собственном смысле, в стремлении к многообразию включила и образ пророка в идеальном проявлении. То есть Пушкин мог оставаться поэтом и быть пророком, сохранив их различие, образную суверенность. Больше того, он и образу пророка придал характерную универсальность, общезначимость. Во всяком случае, пророк у Пушкина — не только поэт. «Пророк» Пушкина говорит и о человеческой судьбе в широком значении, о решающем повороте в жизни, обновлении личности. В лирическом творчестве самого Пушкина тема пророка шире, чем тема поэта. После 1826 года сюжетные мотивы «Пророка» в лирике Пушкина были развиты по крайней мере в двух тематических руслах. В первую очередь, это тема поэта: мысли о свободе и независимости поэта, о его активной преобразующей роли, о подчинении только высшей правде, «велестью божьей» («Памятник»). Во-вторых, с «Пророком» в лирике Пушкина связаны и стихи, отражающие поиски жизненной цели,

¹ О «святой односторонности» Рылеев говорил Н. Огарев.

² Цитир. по кн.: А. А. Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 354—355.

«духовную жажду», возрождение личности. Сюда могут быть отнесены и вольные переводы 1835 года («Родрик», «Странник»), и частично некоторые стихи 1836 года на библейскую тему («Отцы пустынноики и жены непорочны»). Можно предположить, что «Пророк» и в творчестве самого Пушкина выполнил катализирующую роль, т. е. вызвал к жизни новые поэтические воплощения духовно близких ситуаций.

Очевидно, и в истории поэзии традиция пушкинского «Пророка» развивается не однолинейно, а многозначно и противоречиво. Безусловно и то, что в развитии традиции тема «Пророка» по значению шире, чем тема поэта. Это в особенности относится к поэзии XX века, отделенной от пушкинской эпохи большим временным расстоянием.

Рассмотрим одно из многих воплощений темы «Пророка» в современной поэзии — в лирике Н. Заболоцкого.

В лирике Н. Заболоцкого связь с мотивами пушкинского «Пророка» не лежит на поверхности. У Заболоцкого нет прямых совпадений с лирикой Пушкина, нет даже обособленного решения темы поэта: образ поэта не отделим от представления о мудреце, ищущем истину и жизненную цель. Личная, человеческая судьба и судьба поэта здесь понятия синонимичные. Поэт в его лирике не объектируется, и речь идет только об одном поэте, одной судьбе.

Поэтому возможные ситуации пушкинского «Пророка» в лирике Заболоцкого предельно индивидуальны, единичны, конкретны. И они неизбежно объединяют оба намеченные выше тематических русла в решении темы «Пророка» (и образ поэта, и проблема человеческой судьбы с драматическими перипетиями).

Вся поэзия Заболоцкого убеждает в том, что ему был дорог пушкинский образ поэта-пророка, высокого и аскетически целеустремленного. В творческом сознании Заболоцкого как бы не существовал поэт, погруженный в «заботы суетного света». Характерный диалог приведен в одном из воспоминаний о Заболоцком.

На вопрос, заданный поэту с некоторой иронией:

Служенье муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво? —

последовал вполне серьезный ответ: «Вот именно. И заметьте: именно величаво, а не величественно. Это стихи об уважении к искусству»³.

Может быть, именно поэтому наиболее сильно обозначена у Заболоцкого (при сопоставлении с Пушкиным) тема «Пророка». Впервые она возникает как частично близкая сюжетная ситуация в стихах 1836 года «Вчера, о смерти размышляя...».

³ Л. Либеди́нская. Зеленая лампа. Воспоминания. М., 1966, с. 34.

Это стихи о пробуждении личности, рассказывающие о мгновении, когда поэту становятся понятными тайный язык природы, тайна земного существования:

...и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенье.
И речь воды, и камня мертвый крик ⁴.

Сравним у Пушкина:

И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Момент характерного совпадения выражен у Заболоцкого и в напряженности анафоры, короткой и энергичной, сгущенной в предпоследней строфе:

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.

Заболоцкий мотивирует сближение с Пушкиным и упоминанием самого пушкинского имени.

Параллель устанавливается и еще в одном мотиве.

Миг вдохновения, преображающий человека и весь мир, у Заболоцкого обозначен обычно как неожиданный и внезапный (обязательность слов «вдруг», «внезапно»). Еще более характерно, что этому мгновению предшествует состояние духовного сна, тоски, ожесточения:

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя,
Печальный день!... (I, 195)
Все, что было в душе, все как будто опять потерялось,
И лежал я в траве, и печалью, и скукой томим... (I, 194).
И в обмороке смутная душа,
И, как улитки, движутся сомненья (I, 191).

Сравним с пушкинским «Пророком»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачилсЯ...

Очень важный в лирике Заболоцкого признак духовного обновления (связанный с творческим постижением реальности) выражен в том, что упоминается чаще всего свет или огонь, «освещающий душу», или речь идет о душе, о сердце, «пронзенных» этим, творческим мгновением:

...И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне... (I, 195)

⁴ Заболоцкий Н. А. Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1972, с. 195. Далее стихи Заболоцкого цитируются по этому изданию.

В таких стихах создан образ поэта, постигающего реальность необычно и столь же необычно воздействующего на эту реальность. Анализируя стихотворение Заболоцкого «Приблизился апрель к середине...», И. Роднянская не без основания ставит рядом строку из «Пророка» «Отверзлись вещие зеницы...». Автор статьи находит, что в стихах Заболоцкого «та же обостренная чуткость, то же изумленное созерцание внезапно открывшегося, та же атмосфера откровения»⁵.

И все же атмосфера откровения в лирике Заболоцкого не адекватна той, что существует в «Пророке» Пушкина. Здесь не достигается пушкинский «катастрофический катарсис»⁶, есть лишь непреодолимое стремление его достичь. И мгновения счастливо пережитого творческого бытия сменяются обычно состоянием мучительного недовольства собой и своим словом.

Характерен в этом отношении еще один пример. В стихотворении «Это было давно» выразилось очень тесное соприкосновение с пушкинской ситуацией «Пророка». То, что здесь «таится» тема «Пророка», было уже замечено в литературе о Заболоцком⁷.

Тема и в самом деле «таится»: происходит неожиданная встреча, — событие, ставшее для поэта значительным. Бытовые детали как будто приземляют происходящее («исхудавший от голода, злой», «кладбище, «седая крестьянка в заношенном старом платке», две лепешки и яичко — ее подавание). Рядом с высоким, сакраментально устрашающим, символическим стилем «Пророка» («И вырвал грешный мой язык...») бытовая простота стихов Заболоцкого может восприниматься как пародийная. Тем не менее кульминация встречи высока и торжественна, и по характеру близка к библейской:

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба... (I, 321)

Духовное потрясение вызвало и новый поворот в творческом пути поэта, и обновление его душевного состояния, новое мироощущение:

...И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаенье,
Поел поминального хлеба.

Но результат произошедшего не может утолить жажду прозрения, так и не достигнутого:

⁵ И. Роднянская. «Слово и музыка» в лирическом стихотворении. — В кн.: «Слово и образ», М., 1964, с. 218—219.

⁶ Определение А. В. Чичерина в ст. «О стиле пушкинской лирики» («В мире Пушкина», сб. статей, сост. С. Машинский. М., 1974, с. 323).

⁷ «Звезда», 1966, № 10, с. 217.

...И бросая перо, в кабинете
Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

Цель «глаголом жечь сердца людей» для Заболоцкого очевидна, но она оставлена за текстом. Его занимает не цель, а вопрос, как прийти к цели. Он хотел быть поэтом, в котором соединились бы свойства детской непосредственности и старческой мудрости, поэтом, обладающим «сердечной мудростью» («сердцем понять»). Это было стремлением к пушкинскому видению мира.

Пушкинское восприятие мира содержало в себе «полноту созидательной веры»⁸, в нем была свобода интуитивного понимания вещей, детская мудрость⁹. Пушкинский пророк постигает тайны бытия не разумом только, и меньше всего разумом. Он постигает бытие всем существом (зрением, слухом, сердцем). Могущество пушкинского пророка и царственная простота его преображения естественны, потому что у него нет сомнения в праве на пророческую роль.

У поэта в лирике Н. Заболоцкого не было сознания своей правоты, «созидательной веры». Поэт в лирике Заболоцкого постоянно испытывает себя ситуацией пророка, — этого требует его духовный максимализм. И каждый раз он осознает невозможность достичь цели. Его рефлектирующее сознание, стремясь к цельности, сталкивается с двоемирием (человек — природа), — и действительность в его сознании распадается. А мечта о преодолении двоемирия продолжает существовать, остается живым творческим импульсом.

Одно из характерных с этой точки зрения стихотворений — «Слепой». В нем с наибольшей полнотой выражена позиция поэта, бескомпромиссного и беспощадного к себе, и страдающего от своего духовного максимализма.

На этот раз минута откровенья в жизни поэта приводит его к горьким итогам, к осознанию своей несостоятельности.

Стихотворение построено как двучастная параллель (I часть — встреча со слепым певцом, II часть — размышления о самом себе, о поэте). И еще до признания во второй части («Я такой же слепец...») нам ясно, что поэт говорит о себе. В исповеди поэта подведены жизненные итоги.

О том, что созданное поэтом не ново:

Эти песни мои —
Сколько раз они в мире пропеты!

⁸ О «полноте созидательной веры» в поэтическом сознании ребенка писал Г. Лорка («Я работаю огнем». «Вопросы литературы», 1969, № 1, с. 132).

⁹ Это свойство пушкинского гения рассмотрено в ст. В. Непомнящего («Ребенком будучи...», «Детская литература», 1974, № 6).

Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?

О том, что власть музы стихийна, что она сильнее личной воли:

Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиняться я власти твоей...

Об избранности своей судьбы:

Ты сама меня выбрала...

И здесь снова яркая вспышка темы «Пророка»:

И сама ты мне душу пронзила,
Ты сама указала мне
На великое чудо земли...

Но все-таки это только воспоминание о теме пророка, мысль о возможности откровения. Затем следует итог, где неотвратимо отвергнуты какие-либо иллюзии:

Пой же, старый слепец!
Ночь подходит. Ночные светила,
Повторяя тебя,
Равнодушно сияют вдали. (I, 207—208).

Особой художественной силой обладает в этом стихотворении само слово «слепой». Оно определяет смысл стихотворения, семантически связывает, дисциплинирует текст. Так, благодаря ему, особенно ошутим контраст между живой сияющей природой и «вековой темнотой» человеческого сознания. Сильный смысловой сдвиг происходит в словосочетании «ослепительный день»; здесь возникает вторичное значение: слепца уже ничто не может ослепить, для него нет ослепительного дня.

«Слепой» — стихотворение о несбывшихся надеждах, о несостоявшемся пророке, о несостоявшемся прозрении, об «антипророке». В «Пророке» Пушкина встреча с шестикрылым серафимом дает поэту могущество, вещий дар прозрения. У Заболоцкого поэт обреченно остается один со своим «мраком души».

Так выясняется, что для Заболоцкого более характерна тема «антипророка», мысль о слепой душе, бессильной прозреть. В стихотворении «На закате», одном из последних в творчестве Заболоцкого, поэт снова возвращается к этой мысли, и выражает ее с не меньшим страданием и болью:

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она. (I, 346)

Поэт говорит о двоемирии, преодолеть которое он не смог. Он говорит о невозможности приобщиться к миру, «который нас творил», о непреодолимом несоответствии между миром, творящим нас, и творимым нами.

Рефлектирующее сознание в лирике Заболоцкого противостоит свободе и завершенности пушкинских поэтических решений. После «Пророка» Пушкин мог написать стихи:

«Дар напрасный, дар случайный...
«...Цели нет передо мною...»

Но при этом цельность «Пророка», уже однажды созданная, существовала в его поэзии как завершенное здание.

Рассмотренные параллели бросают резкий свет на особенности психологического облика современного поэта и на характер его поэтического мышления. Поэзия Пушкина проясняет в Заболоцком существенные черты его личности и таланта. Вероятно, не только время, история, жизненные обстоятельства, но и свойства личности и таланта Заболоцкого были таковы, что ему (особенно в 40—50 гг.) мучительно не хватало пушкинской цельности, способности проявлять себя в многообразии и жизненной полноте. Его «темная, грозная» муза наложила запрет на многие пушкинские области творческого бытия.

Заболоцкий ощущал свою предназначенность быть пророком, и он сделал основной темой творчества ожидание и муку творческого преображения души, поиски пророческого дара. Его творчество, в центральных его моментах, представляет собой растянутый во времени тот самый миг, который рассказан Пушкиным в «Пророке» как одна единственная все решившая встреча. Движение к «пушкинской» цели в поэзии Заболоцкого продлилось всю творческую жизнь.

В Заболоцком выразился противоположный Пушкину тип поэта. Инстинктивно в диалектике его творческого движения проявилось стремление к пушкинской «полноте созидательной веры» («Это было давно»), но сковывающее рефлектирующее сознание оказалось сильнее («Слепой», «На закате»). В творчестве Заболоцкого выразилась рылеевская «святая односторонность», но в ином чем у Рылеева преломлении — философском, метафизическом. Между тем сила пушкинского притяжения в стихах Заболоцкого об «антипророке» так значительна, что в сопоставлении с «Пророком» Пушкина творческая судьба Заболоцкого осознается нами еще более высокой и трагически просветленной.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД · 1977